

Психическіе рудименты у человѣка.

I.

Отвѣтъ критикамъ, которые отрицають происхожденіе человѣка отъ обезьяны.— Несомнѣнное существованіе рудиментарныхъ органовъ.—Вырожденіе у человѣка органовъ чувствъ.—Атрофія органа Якобсона и Гардеровской железы у человѣка.

Нѣсколько критиковъ нашихъ «Этюдовъ о природѣ человѣка» востали противъ теоріи происхожденія человѣка отъ обезьяны. Одни изъ нихъ нашли нашу аргументацію недостаточной и недоказательной. Другіе возражали особенно противъ возможности быстрого превращенія человѣкообразнаго предка въ первобытное чело-вѣческое существо.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ настоящее время, когда мы ничего не знаемъ объ ископаемыхъ остаткахъ странъ, палеонтологія которыхъ еще совершенно не разработана, вопросъ о происхожденіи человѣка не можетъ быть изучаеъ безъ помощи гипотезъ. Но я думалъ, что научныя открытія послѣдняго времени, столь блестящимъ образомъ подтверждающія теорію происхожденія человѣка отъ обезьяны, способны повліять на самыхъ упорныхъ противниковъ. Я рассчитывалъ особенно на доказательства, представляемые исторіей развитія человѣкообразныхъ обезьянъ и изученіемъ ихъ кровяной жидкости. Несмотря на это, немалое количество авторовъ продолжактъ упорствовать въ своемъ противодѣйствіи этой теоріи. Одинъ изъ моихъ критиковъ, докторъ *Жуссэ*¹⁾, перечисляетъ нѣкоторыя отличія въ устройствѣ скелета человѣка и человѣкообразныхъ обезьянъ и заключаетъ, что они «самымъ рѣзкимъ образомъ отдѣляютъ человѣка отъ обезьяны». Разумѣется, никто никогда не сомнѣвался въ томъ, что человѣкъ не тождественъ съ человѣкообразными обезьянами и что онъ отличается отъ нихъ многими особенностями скелета и другихъ органовъ. Но эти отличія не настолько существенны, чтобы основать на нихъ рѣзкое

¹⁾ La nature humaine et la philosophie optimiste. Paris, 1904 г.

отдѣленіе человѣка отъ обезьянъ. Значительная длина предплечій, на которой особенно настаиваетъ мой критикъ, находится въ соотношеніи съ образомъ жизни человѣкообразныхъ, которые ползаютъ по деревьямъ и ходятъ на четверенькахъ. Разница въ длинѣ предплечій человѣкообразныхъ обезьянъ и европейца дѣйствительно очень значительна. Но у нѣкоторыхъ низшихъ расъ, напримѣръ, у веддаховъ, она гораздо меньше. У акковъ центральной Африки переднія конечности столь длинны, что руки доходятъ почти до коленъ. Зародышъ европейской расы отличается также чрезмѣрной длиной предплечій, что указываетъ на преемственный характеръ этого признака. Только послѣ появленія на свѣтъ предплечіе представляется относительно болѣе короткимъ.

Всѣ другіе отличительные признаки между человѣкомъ и человѣкообразными обезьянами также имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Но подобно тому, какъ различные роды и виды послѣднихъ отличаются между собою, такъ и различныя человѣческія расы представляютъ отличія, нерѣдко очень значительныя. Въ сравнительномъ изслѣдованіи мускульной системы обезьянъ *Михаэлис* ¹⁾ сообщаетъ много подробностей о строеніи мускуловъ у orang-утанга и шимпанзе, изъ которыхъ слѣдуетъ, что, рядомъ съ отличіями между этими двумя человѣкообразными, ихъ мускулы обнаруживаютъ большое сходство съ мышечной системой человѣка.

Столь многочисленныя мускульныя аномаліи у человѣка указываютъ на связь съ мускулами человѣкообразныхъ. То же относится и къ нѣкоторымъ другимъ аномаліямъ. Иногда послѣднія приближаютъ даже человѣка къ млекопитающимъ болѣе низкимъ, чѣмъ обезьяны. Таковы придаточные сосцы, встрѣчающіеся иногда у человѣка симметрично по обѣимъ сторонамъ груди. Такая же аномалія наблюдается иногда и у обезьянъ, что объясняется всего проще предположеніемъ, что, подобно человѣку, и обезьяны произошли отъ млекопитающихъ, имѣвшихъ нѣсколько паръ грудныхъ железъ.

Значительное количество аномалій и рудиментарныхъ органовъ у человѣка представляетъ драгоценныя указанія въ пользу животнаго происхожденія человѣка. Правда, что нѣкоторые авторы еще и теперь оспариваютъ этотъ выводъ и даже отрицаютъ вообще существованіе рудиментарныхъ органовъ. Изъ числа нашихъ критиковъ слѣдуетъ особенно отмѣтить г. *Бретта* ²⁾, который собралъ много данныхъ по этому вопросу съ цѣлью доказать, что всѣ такіе органы выполняютъ какое-нибудь необходимое для организма отправление. По его

¹⁾ Archiv f. Anat. u. Physiol. Anatom. Abtheil. 1903 г., стр. 205.

²⁾ L'Univers et la vie, стр. 592.

мнѣнію, органы, признаваемые нами за рудиментарные, служатъ лишь указаніемъ на общій планъ организаціи человѣка и животныхъ. При этомъ *Бреттъ* ограничивается общими соображеніями, настаивая особенно на законѣ «подчиненія органовъ», но не доказывая вовсе выполненія отправленій рудиментарными органами. Въ нашихъ «Этюдахъ о природѣ человѣка» мы настаивали между прочимъ на бесполезности зубовъ мудрости, которые очень долго остаются скрытыми и вовсе не служатъ для жеванія пищи. Много людей остаются всю жизнь съ непрорѣзанными зубами мудрости, что не представляетъ для нихъ ни малѣйшаго неудобства. Мы видимъ здѣсь типическій примѣръ рудиментарнаго органа. Желая оспорить это положеніе, нужно доказать, что эти зубы выполняютъ какую-нибудь необходимую роль и что ихъ отсутствіе причиняетъ организму вредъ. Но именно этого-то никогда и не доказали мои критики.

Молочныя железы самцовъ представляютъ другой примѣръ рудиментарныхъ органовъ. Ихъ отправленіе хорошо извѣстно у женщинъ и самокъ и, кромѣ того, извѣстно, что у самцовъ эти органы лишь въ исключительныхъ случаяхъ выдѣляютъ молоко.

Особенно богаты рудиментарными частями органы чувствъ. Животныя, живущія въ подземныхъ пещерахъ, лишенныхъ свѣта, не могутъ отличать предметовъ при помощи зрѣнія. Ихъ глаза находятся въ рудиментарномъ состояніи. Въ виду всѣхъ приведенныхъ фактовъ невозможно отрицать существованія рудиментарныхъ органовъ. Послѣдніе являются вѣхами, указывающими намъ прошлое человѣческаго рода. Поэтому сравнительное изученіе органовъ, рудиментарныхъ у человѣка, но совершающихъ отправленіе у животныхъ, представляетъ капитальное значеніе для вопроса о нашемъ происхожденіи.

Уже высшія, или человѣкообразныя, обезьяны потеряли нѣкоторыя части своихъ органовъ чувствъ. Такимъ образомъ, органы обонянія у нихъ развиты гораздо менѣе, чѣмъ у многихъ другихъ млекопитающихъ. Человѣкъ унаслѣдовалъ несовершенство этого органа. И въ самомъ дѣлѣ, обоняніе у него развито значительно менѣе, чѣмъ у млекопитающихъ, стоящихъ гораздо ниже его на лѣстницѣ существъ.

Но, благодаря своему уму, человѣкъ сумѣлъ приручить домашнихъ животныхъ, какъ собакъ, хорьковъ и свиней; онъ пользуется ихъ тонкимъ обоняніемъ для разыскиванія дичи и съѣдобныхъ растений.

Въ другихъ случаяхъ несовершенство обонянія у человѣка съ успѣхомъ замѣняется собственными умственными способностями.

Нѣтъ надобности въ томъ, чтобы обоняніе извѣщало его издали о приближеніи непріятеля, для того чтобы успѣть бѣжать. Онъ обладаетъ средствами защиты, далеко превышающими ихъ у животныхъ. При этихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что органъ обонянія у человѣка значительно упрощенъ сравнительно съ тѣмъ, что мы видимъ у низшихъ млекопитающихъ.

Уже носовая область головы гораздо меньше у обезьянъ и человѣка, чѣмъ у ихъ предковъ—низшихъ млекопитающихъ. Внутреннія части представляютъ соотвѣтствующія различія. Такъ, большинство млекопитающихъ и особенно собаки имѣютъ 4 носовыя раковины, служащія для увеличенія поверхности носовой слизистой оболочки; у человѣка же ихъ всего 3, изъ которыхъ одна притомъ въ зачаточномъ состояніи.

Въ составъ органа обонянія большинства млекопитающихъ входитъ хорошо развитая часть, извѣстная подъ именемъ «органа Якобсона». Роль ея, по всей вѣроятности, заключается въ обоняніи веществъ, попавшихъ въ ротовую полость.

У человѣка органъ этотъ рудиментаренъ; онъ неспособенъ выполнять этой функціи, потому что не снабженъ соотвѣтствующимъ нервомъ.

Остатокъ этотъ, сдѣлавшійся ненужнымъ, однако, даетъ намъ указанія на развитіе органа обонянія у человѣка, подобно тому, какъ условный знакъ *accent circonflexe* указываетъ намъ на исчезновеніе согласной во французскихъ словахъ.

У человѣческаго зародыша органъ Якобсона не только гораздо болѣе развитъ, чѣмъ у взрослого человѣка, но онъ еще снабженъ сильно развитымъ нервнымъ стволомъ, исчезающимъ въ концѣ эмбриональнаго существованія. Кромѣ того, у человѣческаго зародыша 5 носовыхъ раковинъ; въ послѣдствіи онѣ сводятся въ 3, изъ которыхъ только 2 достигаютъ достаточнаго развитія.

Исторія развитія органа обонянія, основанная на сравнительно-анатомическихъ и эмбриологическихъ данныхъ, указываетъ на связь между этимъ аппаратомъ у человѣка и у млекопитающихъ. Связь эту можно прослѣдить благодаря остаткамъ, служащимъ звеньями при научномъ изслѣдованіи.

Слухъ также понизился у человѣка, какъ и нѣкоторыя части органа, служащаго для него.

Животныя въ борьбѣ за существованіе должны были пользоваться своимъ сильно развитымъ слухомъ гораздо больше, чѣмъ человѣкъ и наиболѣе смышленные млекопитающія.

Всѣ мы видѣли, какъ лошадь при малѣйшемъ вѣшнемъ впечатлѣніи наостряетъ уши, чтобы лучше слышать. Обезьяны и че-

ловѣкъ потеряли эту способность, и послѣдній иногда замѣняетъ ее искусственными средствами.

Когда лекторъ читаетъ не довольно громко, мы видимъ, какъ нѣкоторые слушатели приставляютъ руку къ уху, какъ слуховой рожокъ, облегчающій слухъ. Человѣкъ имѣетъ ушные мускулы, но въ большинствѣ случаевъ они слишкомъ слабы для того, чтобы двигать ухо.

Только въ видѣ исключенія могутъ нѣкоторые люди двигать ушами; мускулы ушной раковины—это лишь остатки гораздо болѣе развитыхъ ушныхъ мускуловъ, которые были у нашихъ низшихъ предковъ.

Въ нашемъ органѣ зрѣнія особенный интересъ представляетъ маленькая перепонка внутреннего угла глаза, извѣстная подъ именемъ полулунной складки. Эта перепонка — не что иное, какъ ненужный остатокъ органа, гораздо болѣе развитого у низшихъ млекопитающихъ. У собаки онъ является въ видѣ 3-яго маленькаго вѣка; оно поддерживается отдѣльнымъ хрящикомъ и снабжено выдѣлительной железой, извѣстной подъ именемъ Гардеровской железы. Соответственные органы гораздо болѣе развиты у птицъ, пресмыкающихся и лягушекъ.

Всѣ видѣли, какъ тонкая оболочка, отходящая отъ внутреннего угла глаза, покрываетъ все глазное яблоко курицы или иной птицы. У этихъ животныхъ глазъ защищенъ 3-имъ вѣкомъ, снабженнымъ собственными мускулами; у насъ же роль его выполняется двумя вполне развитыми вѣками. Третье вѣко птицъ и вообще низшихъ позвоночныхъ связано, какъ и у собаки, съ объемистой Гардеровской железой, выдѣляющей жидкость, подобную слезамъ.

У обезьянъ весь этотъ аппаратъ уже очень сокращенъ. Многія изъ нихъ имѣютъ еще маленькую Гардеровскую железу и слабо развитое 3-е вѣко. У человѣка, какъ было уже сказано, сохранились лишь остатки этихъ органовъ. Гардеровская железа болѣе или менѣе атрофирована, а 3-е вѣко является въ видѣ незначительной полулунной складочки. У низшихъ расъ послѣдняя часто еще снабжена маленькимъ хрящомъ. Такъ, *Джакомини* нашелъ его у двѣнадцати негровъ изъ 16, изслѣдованныхъ имъ; между тѣмъ какъ изъ 548 бѣлыхъ хрящикъ оказался только у троихъ.

Объясненіе этихъ фактовъ совершенно ясно: у человѣка полулунная складка — послѣдній остатокъ органа, бывшаго полезнымъ только для нашихъ отдаленныхъ предковъ.

Человѣческіе органы воспроизведенія представляютъ множество подобныхъ рудиментовъ. Существуетъ даже остатокъ гермафродитизма, т. е. очень низкой организациі, весьма древняго происхо-

ждения. Разсматривая чрезвычайно частыя аномаліи этихъ органовъ, можно найти въ нихъ слѣды цѣлаго ряда измѣненій, происшедшихъ въ длинный періодъ развитія человѣчества. Такъ, у нѣкоторыхъ женщинъ встрѣчаются матки, соотвѣтствующія по своему строенію этому органу у низшихъ млекопитающихъ, вплоть до сумчатыхъ съ ихъ двойной маткой.

Въ эволюціи человѣка преобладаетъ сильное развитіе мозга и умственныхъ способностей. Вотъ почему человѣкъ потерялъ множество органовъ и функцій, служившихъ его болѣе или менѣе отдаленнымъ предкамъ.

II.

Психическія особенности человѣкообразныхъ обезьянъ. Ихъ мышечная сила.—Проявленіе страха.—Пробужденіе у человѣка скрытыхъ инстинктовъ подъ влияніемъ страха.

Вышеизложенные факты были приведены для того, чтобы убѣдиться, что всякое развитіе оставляетъ слѣды въ видѣ рудиментовъ, указывающихъ на послѣдовательныя ступени, пройденныя во время развитія.

Весьма вѣроятно поэтому, что психическія и психофизиологическія дочеловѣческія отправления, имѣющія такую длинную исторію, тоже должны были оставить болѣе или менѣе уловимые слѣды. Только найти ихъ гораздо труднѣе, чѣмъ рудименты органовъ, которые могутъ быть обнаружены вскрытіемъ.

Постараюсь выполнить эту задачу, хотя попытка моя будетъ едва намѣченнымъ и, быть можетъ, только временнымъ наброскомъ.

Сначала бѣгло взглянемъ на животныхъ, наиболѣе близкихъ къ человѣку.

Несомнѣнно, что современные антропоморфныя обезьяны представляютъ большое родство съ человѣкомъ и что связь ихъ съ нашими животными предками была еще болѣе сильной.

Человѣкообразныя обезьяны нашего времени живутъ, главнымъ образомъ, въ дѣвственныхъ лѣсахъ. Онѣ питаются преимущественно плодами и почками, но не пренебрегаютъ яйцами и даже маленькими птичками. Для этого онѣ взлѣзаютъ на деревья, легко достигая ихъ вершинъ. Орангъ-утанги и шимпанзе карабкаются медленно и очень осторожно; гиббоны же дѣлаютъ это съ большой живостью и необыкновеннымъ искусствомъ. Наблюдали, что они съ замѣчательною вѣрностью перескакиваютъ съ вѣтки на вѣтку на разстояніи до 40 футовъ. Они порхаютъ по вершинамъ высочайшихъ деревьевъ, не заботясь до вѣтвей, среди которыхъ вскарабкиваются, и

въ теченіе цѣлыхъ часовъ съ величайшей легкостью перескакиваютъ черезъ пространство отъ 12-ти до 18-ти футовъ.

Чтобы дать понятіе о ловкости и живости гиббоновъ, *Мартинъ* приводитъ примѣръ одной самки, которую онъ наблюдалъ въ неволѣ.

«Однажды она съ жерди бросилась въ окну черезъ пространство, по крайней мѣрѣ, въ 12 футовъ. Казалось бы, что она неизбѣжно должна была разбить стекло. Къ великому удивленію зрителей, ничуть не бывало: она руками ухватилась за узкую перекладину рамы между стеклами и черезъ мгновеніе кинулась въ обратномъ направленіи, въ покинутую клѣтку. Это требовало не только большой силы, но и величайшей вѣрности движеній».

Большая мускульная сила, упомянутая въ этомъ разсказѣ, свойственна всѣмъ человѣкообразнымъ обезьянамъ. Англійскій матросъ *Бэттель*, давшій первое описаніе гориллы въ началѣ XVII вѣка, утверждаетъ, будто животное это такъ сильно, что десять человѣкъ не могутъ одолѣть его во взросломъ возрастѣ.

Другія человѣкообразныя обезьяны хотя и уступаютъ въ этомъ отношеніи гориллѣ, тѣмъ не менѣе проявляютъ удивительную силу.

Молодой самецъ шимпанзе, *Эдуардъ*, наблюдавшійся нами въ Пастеровскомъ институтѣ, такъ отбивался при малѣйшемъ прикосновеніи, что приходилось держать его 4 человѣкамъ. Пришлось не выпускать его на свободу, потому что никоимъ образомъ нельзя было водворить его обратно въ клѣтку.

Даже совсѣмъ молоденькія шимпанзе, самки, еле достигшія двухъ лѣтъ, не легко даютъ себя трогать. Несмотря на свою кротость, онѣ изъ всѣхъ силъ сопротивляются всякій разъ, когда на ночь водворяютъ ихъ въ клѣтку. Этого съ трудомъ можно достигнуть вдвоемъ.

И однако, несмотря на свою поразительную мускульную силу человѣкообразныя обезьяны очень трусливы. На давая себѣ отчета въ своемъ преимуществѣ, онѣ бѣгутъ отъ малѣйшей воображаемой опасности.

Наши шимпанзе, зубы и мускулы которыхъ очень сильны, обезьяны, вызываютъ большой испугъ, когда имъ показываютъ такихъ безобидныхъ и слабыхъ животныхъ, какъ морскія свинки, голуби и кролики. Даже мыши вначалѣ устрашали ихъ, и необходимо было наступать на нихъ, чтобы шимпанзе не пугались въ бѣдѣ. Этого не надо было, потому что большого врага.

Благодаря этому, при естественныхъ условіяхъ человѣкообразныя обезьяны почти никогда не принимаютъ наступательнаго положенія. «Хотя орангъ-утанъ одаренъ огромной мускульной силой, — говоритъ *Гэсли*, — онъ рѣдко пытается защищаться, особенно когда на него нападаютъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ этихъ случа-

яхъ онъ старается спрятаться на вершинахъ деревьевъ, въ своемъ бѣгствѣ ломая вѣтви и бросая ихъ на землю».

По словамъ *Сваджа*, шимпанзе, «повидимому, никогда сами не нападаютъ и если не никогда, то рѣдко защищаются».

«Первое движеніе самки, застигнутой съ дѣтенышемъ на деревѣ, было быстро спуститься и бѣжать въ кусты».

Горилла, самая сильная и свирѣпая изъ человекообразныхъ обезьянъ, иногда нападаетъ первая. Вышеприведенный авторъ рассказываетъ слѣдующее: «Гориллы чрезвычайно свирѣпы и часто нападаютъ; онѣ не бѣгутъ при видѣ человѣка, какъ шимпанзе». При первомъ испугѣ «самки и дѣтеныши быстро исчезаютъ, а самецъ съ яростью приближается къ врагу, испуская рядъ ужасающихъ криковъ».

Итакъ, нападаютъ одни самцы, да и то, должно быть, рѣдко, потому что одинъ изъ позднѣйшихъ наблюдателей, *Коттенфельсъ*, утверждаетъ, что «горилла никогда первая не нападаетъ на человѣка. Она скорѣе избѣгаетъ встрѣчи съ нимъ и, завидя его, обыкновенно убѣгаетъ съ особенными гортанными криками».

Посмотримъ, какія изъ этихъ свойствъ сохранились въ родѣ человѣческомъ.

По своей природѣ человѣкъ не такъ силенъ и не такъ довокъ, какъ антропоидныя обезьяны, но ему свойственна ихъ трусливость.

Страхъ — одно изъ первыхъ психическихъ проявленій ребенка. При малѣйшемъ измѣненіи равновѣсія, при погруженіи въ воду ванны онъ проявляетъ несомнѣнные признаки страха.

Позднѣе ребенокъ пугается при приближеніи какого бы то ни было животнаго, совершенно какъ вышеописанныя молодые шимпанзе. Самый безобидный паукъ можетъ вызвать въ ребенкѣ этотъ инстинктивный страхъ. Умственное развитіе, поскольку возможно, борется съ нимъ. Тѣмъ не менѣе страхъ очень часто обнаруживается болѣе или менѣе рѣзко, и *здесь-то слѣдуетъ искать у человека остатковъ психологии его предковъ*.

Остановимся же нѣсколько минутъ на разборѣ чувства страха.

Первымъ проявленіемъ его служить бѣгство. Приближеніе опасности возбуждаетъ движеніе нашихъ ногъ, и человѣкъ чувствуетъ инстинктивную потребность бѣжать, даже въ томъ случаѣ, когда это опаснѣе той опасности, которой онъ хочетъ избѣгнуть.

Такъ, при первомъ страхѣ пожара въ публичномъ мѣстѣ люди бѣдаются къ дверямъ и часто давятъ другъ друга, желая бѣжать. Даже въ случаяхъ величайшаго испуга однимъ изъ первыхъ проявленій его служить желаніе бѣжать.

Известный итальянскій фізіологъ *Моссо* рассказываетъ слѣдую-

щее въ своей монографіи о страхѣ. Одинъ калабрійскій разбойникъ, услышавъ свой смертный приговоръ. «испустилъ громкій, раздражающій, ужасный крикъ, посмотрѣлъ вокругъ себя, точно съ жадностью ища чего-то, затѣмъ содѣлалъ поворотъ назадъ, чтобы бѣжать, и бросился съ вытянутыми руками, ударяясь о стѣнку двора, извиваясь и царапая камни, точно хотѣлъ проникнуть въ нѣго».

Палишній въ этомъ примѣрѣ, а часто даже вредный, инстинктъ бѣгства, унаслѣдованный человѣкомъ отъ его животныхъ предковъ, очевидно, былъ пріобрѣтенъ какъ средство самосохраненія во избѣжаніе опасности. Но не однимъ бѣгствомъ проявляется испугъ. Часто онъ сопровождается дрожью, которая можетъ даже мѣшать бѣгству. Въ примѣрѣ *Моссо* калабрійскій разбойникъ «послѣ нѣкоторыхъ усилій, криковъ и извиваній упалъ, какъ неодушевленное тѣло, безъ движеній, подобно мокрой тряпкѣ; онъ былъ блѣденъ, — говорить *Моссо*, — и дрожалъ, какъ я никогда не видѣлъ, чтобы кто-нибудь дрожалъ. Казалось, что мускулы его — мягкій, колеблющійся студень».

Эта инерція дрожащаго тѣла — также наслѣдіе животныхъ. *Дарвинъ* думаетъ, что дрожаніе не представляетъ никакой пользы для самосохраненія и что иногда оно даже вредно. Явленіе это вообще кажется ему очень неяснымъ и трудно объяснимымъ. Это мнѣніе раздѣляетъ и *Моссо*. Дрожаніе мускуловъ туловища является слѣдствіемъ и преувеличеніемъ движеній мускуловъ кожи, вызываемыхъ у насъ «гусиную кожу». Явленіе это безспорно — рудиментъ механизма, часто представляющаго у животныхъ несомнѣнную пользу.

Еще лишь въ рѣдкихъ случаяхъ бѣжить передъ опасностью; всего чаще онъ останавливается и сворачивается въ клубокъ, благодаря сильному развитію кожного мускула. У птицъ и многихъ млекопитающихъ кожные мускулы поднимаютъ перья и шерсть. *Известно* очень часто наблюдаются при страхѣ. Они служатъ для согреванія кожи, а также, какъ думаетъ *Дарвинъ*, для того, чтобы казаться врагу больше и страшнѣе. Страхъ и холодъ, оба вызываютъ сокращеніе периферическихъ сосудовъ и — у человѣка — движеніе влеченныхъ рудиментарныхъ мускуловъ, окружающихъ корни волосковъ. Сокращеніе этихъ мускуловъ вызываетъ «гусиную кожу», которая есть не что иное, какъ фізіологическій рудиментъ, не способный ни согрѣть кожу, ни увеличить объемъ тѣла. Изрѣдка встрѣчаются люди, могущіе произвольно вызывать у себя «гусиную кожу»; для этого имъ стоитъ только представить себѣ, что имъ холодно.

Въ нормальномъ состояніи рудиментарные кожные мускулы человѣка неподвижны, и нужно особенное возбужденіе, чтобы заставить ихъ функционировать.

Страхъ, способный сокращать мускулы, не подчиняющіеся волѣ, можетъ также двигать и другіе мускулы, несмотря на всѣ усилія воли остановить ихъ. При волненіяхъ, глубоко потрясающихъ нервную систему, особенно въ случаяхъ страха, сокращенія мочевого пузыря и кишокъ становятся такими сильными, что содержимое ихъ помимо воли опоражнивается.

Всѣмъ извѣстны такіе случаи у молодыхъ людей во время экзаменовъ. *Моссо* приводитъ примѣръ одного изъ своихъ товарищей, добровольца во время войны 1866 года. Страхъ во время битвы вызывалъ у него неудержимыя выдѣленія, и никакія усилія не могли заставить его организмъ выносить ужасное зрѣлище.

Эта произвольная дѣятельность мочевого пузыря и кишокъ также — наслѣдіе животныхъ. Часто наблюдали подобное явленіе у собакъ и обезьянъ. На Мадерѣ у меня была очень трусливая мартышка, которая при малѣйшемъ испугѣ опоражнивала кишки.

Очень вѣроятно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ механизмомъ, полезнымъ для самосохраненія.

Какъ извѣстно, выдѣленіе нѣкоторыхъ веществъ облегчаетъ борьбу за существованіе. Такъ, лисица, охотясь за барсукомъ, выгоняетъ его изъ логовища, а хореку и скунксу защищаются отъ болѣе сильныхъ хищниковъ, обрызгивая ихъ очень вонючей жидкостью.

Итакъ, инстинктивный страхъ служить очень могущественнымъ возбудителемъ, способнымъ вызвать рудиментарныя и почти вполнѣ заглушенныя функціи. Иногда онъ возбуждаетъ дѣятельность давно утраченныхъ механизмовъ.

Павзаній приводитъ примѣръ нѣмого молодого человѣка, заговорившаго подѣ влияніемъ страха при видѣ льва. *Геродотъ* рассказываетъ, что нѣмой сынъ *Креза* при видѣ перса, хотѣвшаго убить его отца, воскликнулъ: «Не убивай Креза!». И съ тѣхъ поръ могъ говорить. Эти рассказы древнихъ временъ подтверждаются множествомъ современныхъ наблюденій.

Такъ, напримѣръ, женщина, нѣмая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, при видѣ пожара подѣ влияніемъ страха вдругъ крикнула: «Огонь!». Съ тѣхъ поръ она стала говорить.

Въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ пробужденіемъ функцій, которые были только въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Но страхъ

способенъ вызвать дѣятельность даже механизмовъ, загложшихъ съ незапамятныхъ временъ.

Самыя разнообразныя животныя инстинктивно умѣютъ плавать. Таково общее правило для птицъ и млекопитающихъ. Нѣкоторые виды не любятъ воды, но, несмотря на это, они не тонутъ при погруженіи въ нее. Кошки елико возможно избѣгаютъ воды, что не мѣшаетъ имъ хорошо плавать.

Историки рассказываютъ, что *Ганнибалъ* очень затруднился переправить своихъ слоновъ черезъ Рону. Сначала онъ переправилъ нѣсколько самокъ; тогда остальные слоны бросились вплавъ за ними и благополучно достигли другого берега.

Обезьяны также имѣютъ прирожденную способность плавать. Мнѣ не удалось провѣрить, сохранена ли она и у человѣкообразныхъ обезьянъ.

Во всякомъ случаѣ человѣкъ лишенъ такой инстинктивной способности. Предполагаютъ, что низшія расы лучше насъ одарены въ этомъ отношеніи. Рассказываютъ, что «у негровъ дѣти, едва вышедшія изъ пеленокъ, бѣгутъ къ морю или рѣкамъ и почти такъ же рано умѣютъ плавать, какъ и ходить». Среди бѣлыхъ нѣкоторые съ большимъ трудомъ выучиваются плавать.

Во всякомъ случаѣ они не плаваютъ инстинктивно, подобно своимъ животнымъ предкамъ. *Кристманнъ*, авторъ учебника о плаваніи, находитъ, что «разумъ человѣческій является менѣе вѣрнымъ руководителемъ, чѣмъ безошибочный инстинктъ животнаго». Страхъ способенъ заглушить разсудокъ, при чемъ всплываетъ рудиментарный инстинктъ. И въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что хорошее средство выучить ребенка или взрослого плавать—это бросить его въ воду. Подъ вліяніемъ страха пробуждается инстинктивный механизмъ, унаслѣдованный отъ животныхъ, и человѣкъ тотчасъ становится способнымъ плавать. Нѣкоторые учителя плаванія съ успѣхомъ прибѣгаютъ къ этой методѣ. Я зналъ особу, выучившуюся плавать такимъ образомъ. Г-нъ *Труба*, библіотекаръ парижской Национальной библіотеки, привелъ мнѣ въ примѣръ одного изъ своихъ друзей, «нѣсколько лѣтъ тому назадъ умершаго журналиста, который, не умѣя плавать, однажды вечеромъ купался въ Сенѣ, въ Нейллы. Вдругъ онъ сталъ тонуть, при чемъ испугъ спасъ его. Съ тѣхъ поръ, говорилъ онъ, я умѣю плавать».

Такъ какъ страхъ въ иныхъ случаяхъ побуждаетъ къ бѣгству, а въ другихъ, наоборотъ, лишаетъ движенія, то и плавающему можетъ иной разъ оказать дурную услугу. Поэтому учителя, пользующіеся испугомъ для обученія плаванію, должны всегда быть наготовѣ въ случаѣ дѣйствительной опасности.

Тѣмъ не менѣе остается вѣрнымъ, что *страхъ способенъ въ известной мѣрѣ пробудить съ давнихъ поръ заложившія отпаивленія и этимъ осветить намъ нѣкоторыя стороны въ исторіи развитія человѣчества.*

III.

Боязнъ, какъ поводъ обнаруженія истеріи.—Естественный сомнамбулизмъ.—Раздвоеніе личности.—Нѣсколько примѣровъ лунатиковъ.—Сходство между дѣйствіями лунатиковъ и жизнью челоѣкообразныхъ обезьянъ.—Психологія толпы.—Важность изученія истеріи для разрѣшенія вопроса о происхожденіи челоѣка.

Интересъ изученія страха не ограничивается одними вышеприведенными фактами. Чувство это, кромѣ того, часто въ значительной степени возбуждаетъ столь темныя и сложныя явленія истеріи.

Съ большимъ колебаніемъ приступаю къ этому вопросу, требующему гораздо болѣе обширныхъ и спеціальныхъ свѣдѣній, чѣмъ мои. Поэтому ограничусь разсмотрѣніемъ только нѣкоторыхъ изъ тѣхъ признаковъ этой болѣзни, которые могутъ пролить свѣтъ на психическіе рудименты челоѣка.

Среди причинъ истеріи страхъ занимаетъ безусловно первое мѣсто. Такъ, изъ 22 истеричныхъ женщинъ, изслѣдованныхъ *Жорже*, рѣшающими поводами были: въ 13 случаяхъ—испугъ, въ 7—сильное горе, въ одномъ—сильное раздраженіе. Въ клиникѣ д-ра *Питр'а*, въ Бордо, одна больная «стала истеричной вслѣдствіе сильного испуга». «Въ деревню пришелъ укротитель медвѣдей; она пошла посмотрѣть его представленіе и пробралась сквозь толпу зрителей въ самый первый рядъ. Медвѣдь, танцуя, подошелъ такъ близко къ ней, что дотронулся своей холодной мордой до щеки дѣвушки. Она испугалась, пустилась бѣжать домой и тотчасъ упала въ обморокъ на свою постель. У нея сдѣлались конвульсіи и сильнѣйшее возбужденіе съ бредомъ. Съ тѣхъ поръ припадки часто стали повторяться, и всегда бредъ, сопровождавшій ихъ, касался страха, вызваннаго прикосновеніемъ медвѣдя».

Въ Салпетріерѣ одну истеричную преслѣдуютъ страшные сны. «Ее убиваютъ, насилуютъ, душатъ, она падаетъ въ воду, зоветъ на помощь».

Изъ разнообразныхъ проявленій истеріи мы остановимся на столь парадоксальныхъ и странныхъ случаяхъ такъ называемаго естественнаго сомнамбулизма, когда больные продѣлываютъ разныя дѣйствія, о которыхъ при пробужденіи теряютъ всякое воспоминаніе.

Таковы случаи настоящаго раздвоенія личности: больные живутъ въ различныхъ состояніяхъ, при чемъ въ одномъ не имѣютъ

ни малѣйшаго воспоминанія о томъ, что происходитъ въ другомъ. Вотъ одно изъ наиболѣе интересныхъ наблюденій этого рода. Одна женщина забеременѣла въ сомнамбулическомъ состояніи; въ нормальномъ же она не сознавала причины своего положенія, несмотря на то, что хорошо знала и свободно говорила о немъ, когда впадала въ свое сомнамбулическое состояніе.

Во время естественнаго сомнамбулизма больные большею частью повторяютъ обычные дѣйствія ихъ ремесла и ежедневной жизни, къ которымъ у нихъ развилась бессознательная привычка. Мастеровые выполняютъ ручную работу; швеи шьютъ, прислуга чиститъ обувь и одежду, накрываетъ на столъ и т. д. Люди болѣе высокой культуры предаются той умственной работѣ, къ которой они всего привычнѣе. Наблюдали, что духовныя лица въ сомнамбулическомъ состояніи сочиняли проповѣди, перечитывали ихъ и поправляли ошибки слога и правописанія.

Но на ряду съ сомнамбулами, повторяющими во время сна обыденныя дѣйствія своей жизни, есть и такіе, которые продѣлываютъ особенные, необычные имъ поступки. *Эти-то случаи и представляютъ наибольшій интересъ съ нашей точки зрѣнія.*

Вотъ одинъ изъ всего лучше изслѣдованныхъ примѣровъ.

Въ парижской больницѣ *Лазнеж* сидѣлкой приняли истеричную 24-лѣтнюю дѣвушку. Въ одно изъ воскресеній, вслѣдствіе утомленія отъ многочисленныхъ посѣщеній, ей нездоровилось. Въ часъ ночи она встаетъ. Испуганный ночной сторожъ приглашаетъ дежурнаго врача, и тотъ наблюдаетъ слѣдующую сцену:

«Большая направляется къ лѣстницѣ, ведущей въ помѣщеніе сидѣлокъ; затѣмъ она быстро направляется въ обратную сторону къ прачечной; но дверь заперта; тогда она колеблется, мѣняетъ направленіе и идетъ къ дортуару больничной прислуги, гдѣ она спала раньше; она поднимается въ чердачный этажъ, гдѣ находится этотъ дортуаръ. Дойдя до верхней площадки лѣстницы, она открываетъ окно, выходящее на крышу, выходитъ изъ окна, гуляетъ по рывнѣ на глазахъ другой сидѣлки, съ ужасомъ слѣдящей и не смѣющей заговорить съ нею, входитъ обратно въ другое окно и спускается по лѣстницѣ». «Въ эту минуту мы видимъ ее, — говоритъ дежурный врачъ: — она ходитъ безшумно, движенія ея автоматичны, руки висятъ вдоль нѣсколько наклоненнаго туловища; голову она держитъ прямо и неподвижно; волосы ея распущены, глаза широко открыты. Она совершенно походитъ на фантастическое привидѣніе».

Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ истеричной, которая въ нормальномъ состояніи, понятно, не имѣла никакой привычки лазить по крышамъ и гулять по рывнамъ.

Въ другомъ случаѣ, сообщенномъ *Шарко*, дѣло касается хорошо воспитаннаго 17-тилѣтнаго сына крупнаго промышленника. Утомленный подготовленіемъ къ годичному экзамену, юноша рано улегся спать. Черезъ нѣкоторое время онъ встаетъ въ своемъ дортуарѣ, выходитъ черезъ окно на крышу и благополучно продолжаетъ свою опасную прогулку вдоль рынвы. Его разбудили безъ дальнѣйшихъ приключеній.

Случай, описанный докторами *Месне* и *Мотте*, представляетъ еще большій интересъ. Тридцатилѣтняя, въ высшей степени истеричная женщина «встаетъ ночью, одѣвается совершенно одна и безъ посторонней помощи, отставляетъ мебель, загораживающую ей дорогу, ни разу не наталкиваясь на нее. Поскольку она безпечна и лѣнива въ теченіе дня, постольку становится она живой при выполненіи самыхъ разнообразныхъ дѣйствій ночью. Она гуляетъ по своей квартирѣ, открываетъ двери, спускается въ садъ, *съ ловкостью прыгаетъ по скамьямъ, бѣгаетъ...* и все это гораздо лучше, чѣмъ днемъ, когда нужно было *поддерживать ее подъ руку*».

Гирстъ рассказываетъ изумительный фактъ, случившійся въ XVI вѣкѣ. «Спящій военный подходитъ къ окну, вскарабкивается по веревкѣ на вершину башни, оттуда приносить сорочье гнѣздо съ птенцами и ложится въ постель, гдѣ продолжаетъ спать до слѣдующаго дня». Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ достаточно данныхъ относительно этого столь интереснаго случая.

Чтобы имѣть болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія, обратимся къ современнымъ наблюденіямъ.

Вотъ одно, подробно изложенное д-мъ *Кинономъ*. «Тридцатичетырехлѣтній челоѣкъ, курьеръ по профессіи, поступаетъ въ больницу вслѣдствіе припадковъ истеріи. Вскорѣ послѣ его поступленія въ палату клиники однажды около часу ночи больной вдругъ всталъ съ кровати, быстро открылъ окно и прыгнулъ изъ него во дворъ больницы. Фельдшера, дежурные, побѣжавшіе за нимъ, видѣли, что онъ со всѣхъ ногъ бѣжалъ раздѣтый съ подушкой въ рукахъ и направился сквозь рядъ садовъ и аллей, гдѣ никогда не бывалъ и топографіи которыхъ совершенно не зналъ; онъ перескакивалъ черезъ заборы, взобрался по лѣстницѣ на крышу водолѣчебнаго заведенія, по которой сталъ бѣгать въ различныхъ направленіяхъ съ поразительной ловкостью. По временамъ онъ останавливался и начиналъ укачивать подушку, которую держалъ въ рукахъ, лаская ее, какъ дитя. Затѣмъ онъ пустился въ обратный путь». На слѣдующій день его разспрашивали, но онъ не сохранилъ никакого воспоминанія о своей ночной прогулкѣ. Такіе припадки повторялись пять или шесть разъ.

«Тотъ же самый больной, перевернувшись два-три раза въ ко-

стели, схватываетъ въ охапку свою подушку, которую прижимаетъ къ груди. Затѣмъ онъ встаетъ и въ одной рубахѣ бѣгомъ проходить больничную палату, въ концѣ которой находится дверь, ведущая въ буфетъ и отхожія мѣста. Онъ безъ затрудненія, но съ силой открываетъ эту дверь, такъ же какъ и дверь ватерклозета, куда входитъ. Онъ все продолжаетъ прижимать къ себѣ подушку одной рукой и путемъ довольно трудной и опасной гимнастики, при помощи ногъ и единственной свободной руки, очень легко становится на подоконникъ открытаго окна. Онъ пролѣзаетъ черезъ рамы, старательно оберегая подушку свою отъ всякихъ ушибовъ и толчковъ, и, наконецъ, соскакиваетъ на обѣ прижатые одна къ другой ноги на подоконникъ, съ котораго спрыгиваетъ въ фельдшерскую. Едва спрыгнувъ на землю, онъ быстро пускается бѣжать въ противоположный уголъ двора. Такимъ образомъ онъ проходитъ по другую сторону большого больничнаго зданія, которое обходитъ быстрымъ галопомъ (фельдшера съ трудомъ слѣдуютъ за нимъ), все бережно прижимая свою подушку. Затѣмъ онъ вступаетъ на маленькую дорожку, обходящую зданіе бань и приводящую къ большой башнѣ, на вершинѣ которой находится резервуаръ воды для бань. Къ этой башнѣ неподвижно прикрѣпленъ родъ металлической почти вертикальной лѣстницы съ круглыми ступенями и съ перилами съ одной только стороны. Лѣстница эта приводитъ къ площадкѣ для наблюденія и по пути соприкасается съ краемъ крыши зданія бань. Больной безъ колебаній карабкается по этой лѣстницѣ, еле держась за перила своей единственной свободной рукой; съ необычайной ловкостью и увѣренностью ставитъ онъ голыя ноги на тонкія желѣзныя жерди. Дойдя до того мѣста, гдѣ лѣстница касается почти края крыши зданія бань, онъ быстро вскакиваетъ на нее. Все бѣгомъ поднимается онъ по наклонной цинковой крышѣ и достигаетъ ея вершины, озираясь отъ времени до времени, чтобы увидѣть, не преслѣдуютъ ли его мнимые враги. Онъ продолжаетъ бѣжать вдоль всей верхушки крыши. Вслѣдствіе узости ея гребня ему приходится ставить ноги по правую и лѣвую стороны, по обоимъ наклонамъ крыши. Это въ высшей степени опасное упражненіе, на которое никто изъ слѣдящихъ за нимъ не рѣшился бы и которое онъ, однако, выполнялъ съ замѣчательной увѣренностью и безъ единого ложнаго шага.

«Дойдя до середины зданія, онъ садится на гребень крыши, опираясь обѣ отдушную трубу. Затѣмъ беретъ онъ свою подушку, которой не покидалъ ни на минуту, и кладетъ ее на колѣни, облокачивая ее однимъ угломъ о плечо, и укачиваетъ, какъ дитя, нагѣвая, лаская рукой или щекой, которую онъ нѣжно прижимаетъ къ

углу подушки. По временамъ его брови сдвигаются, взглядъ становится строгимъ; онъ оглядывается, словно для того, чтобы увидѣть, не преслѣдуютъ ли его, не слѣдятъ ли за нимъ; при этомъ онъ сердито ворчитъ и снова пускается въ опасное бѣгство, унося съ собою подушку. Все время онъ говоритъ что-то, но слова его не доносятся до нашихъ ушей. Повидимому, онъ сознаетъ только свое сновидѣніе, но не понимаетъ, когда громко произносятся его имя. Однако онъ слышитъ, потому что, когда шумятъ недалеко отъ него, онъ поворачиваетъ голову и убѣгаетъ, точно преслѣдователи нагоняютъ его. Сцена эта продолжалась въ теченіе двухъ часовъ, во время которыхъ онъ обѣжалъ всѣ сосѣднія крыши, не давая намъ возможности слѣдовать за нимъ».

Я могъ бы привести еще другіе аналогичные примѣры, но мнѣ кажется, что вышеизложенные достаточно показываютъ, что во время естественнаго сомнамбулизма человѣкъ пріобрѣтаетъ свойства, которыхъ не имѣлъ въ нормальномъ состояніи, и что онъ *становится сильнымъ, ловкимъ, хорошимъ гимнастомъ, совершенно подобно своимъ человекообразнымъ предкамъ*.

Поразительно большое сходство продѣлокъ гиббона, рассказанныхъ *Мартиномъ*, съ опасными похождениями сомнамбуль.

Стремленія лазить по крышамъ и мачтамъ, бѣгать по рывкамъ, карабкаться на башню, чтобы доставать птичьи гнѣзда, не есть ли это наиболѣе характерные признаки инстинктивныхъ проявленій лазящихъ животныхъ, каковы человекообразны обезьяны?

Д-ръ *Бартъ* опредѣляетъ сомнамбулизмъ, какъ «сонъ съ возбужденіемъ памяти и автоматической дѣятельности нервныхъ центровъ при отсутствіи свободной и сознательной воли». «Поразительное возбужденіе памяти—фактъ, преобладающій надъ всеми остальными. Это крайнее совершенство памяти фактовъ и мѣстности у сомнамбуль... объясняетъ намъ,—заключаетъ *д-ръ Бартъ*,—какъ они находятъ дорогу, выполняя почти безъ помощи органовъ чувствъ тысячу подвиговъ, на которые они едва ли были бы способны наяву».

Но такъ какъ человѣкъ производитъ новыя для него дѣйствія, никогда не продѣланныя ранѣе во время его индивидуальной жизни, то слѣдуетъ предполагать, что эта возбужденная память относится къ очень древнимъ фактамъ, касающимся даже, быть можетъ, до-человѣческаго періода.

Человѣкъ унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ множество мозговыхъ механизмовъ, дѣятельность которыхъ была подавлена позднѣе развившимися тормозами.

Подобно тому какъ человѣкъ обладаетъ не сокращающимися бо-

лѣе мускулами ушной раковины или не выделяющими молока молочными железами, точно такъ же должны его нервныя центры заключать группы клѣтокъ, бездѣятельныхъ въ нормальномъ состояніи.

Подвижность ушей и выдѣленіе молока самцами представляютъ возвратъ къ очень давнимъ состояніямъ, когда слухъ былъ совершеннѣе нашего и когда оба пола могли выкармливать дѣтей своихъ грудью.

Поэтому можно допустить, что *гимнастическіе подвиги и поразительная сила сомнамбулъ являются возвратомъ къ животному состоянію, гораздо менѣе отдаленному отъ насъ, чѣмъ выкармливаніе самцами.*

Интересно указать на то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ естественный сомнамбулизмъ совпадаетъ съ подвижностью ушной раковины. Я знаю двухъ братьевъ, которые въ молодости были подвержены чрезвычайно типичнымъ ночнымъ приступамъ сомнамбулизма. Одинъ изъ нихъ, химикъ, лазилъ на высокія шкапы или прогуливался по комнатамъ. Его братъ, морякъ, въ припадкѣ сомнамбулизма взбирался на площадку мачты паруснаго судна. Оба брата — сомнамбулы и въ то же время имѣютъ чрезвычайно развитыя кожныя мускулы: они могутъ произвольно двигать ушами.

Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ семейной и наследственной аномаліей: такъ, обѣ дочери одного изъ братьевъ — сомнамбулы и имѣютъ очень подвижной кожный мускулъ. Случай этотъ представляетъ возвратъ двухъ признаковъ нашихъ предковъ: подвижности ушной раковины и гимнастической ловкости.

Бартз слѣдующимъ образомъ характеризуетъ сомнамбулъ: это «живой автоматъ, у котораго сознательная воля временно нарушена». По его мнѣнію, «сомнамбулъ дѣйствуетъ подъ давленіемъ фактовъ, и его самыя странныя, повидимому, поступки — только инстинктивныя реакціи».

Характеристика эта очень хорошо согласуется съ предположеніемъ, будто при естественномъ сомнамбулизмѣ пробуждаются инстинкты нашихъ дочеловѣческихъ предковъ, — инстинкты, которые при естественныхъ условіяхъ остаются въ подавленномъ, рудиментарномъ состояніи.

Иногда подъ вліяніемъ испуга пробуждается у человѣка инстинктивный механизмъ плаванія. Очень интересно было бы знать, происходитъ ли такой же возвратъ и у сомнамбулъ. Къ сожалѣнію, я не нашелъ въ литературѣ достаточныхъ указаній на этотъ счетъ. Могу привести всего одинъ фактъ (да и тотъ съ ограниченіями)

изъ большого французскаго словаря медицинскихъ наукъ 1821 г.: «...разсказываютъ, что одинъ сомнамбуль, плававшій во время своего приступа, такъ испугался, когда его нѣсколько разъ назвали по имени, что утонулъ».

Было бы крайне интересно собрать побольше данныхъ относительно различныхъ инстинктивныхъ проявленій у сомнамбуль.

Мы останавливались лишь на естественномъ сомнамбулизмѣ, предполагая найти въ немъ черты, напоминающія тѣ, которыя встрѣчаются въ жизни человѣкообразныхъ обезьянъ. Я думаю, что разнообразныя явленія истеріи могутъ доставить еще много другихъ данныхъ для психо-физиологической исторіи человѣка.

Быть можетъ, нѣкоторыя хорошо установленныя явленія «ясновидѣнія» можно было бы свести къ пробужденію особыхъ ощущеній, атрофированныхъ у человѣка, но присущихъ животнымъ.

Какъ показываетъ анатомія позвоночныхъ, послѣднія обладаютъ органами, отсутствующими у человѣка и имѣющими строеніе органовъ чувствъ. Съ другой стороны, извѣстно, что животныя способны воспринимать нѣкоторыя явленія внѣшняго міра, для которыхъ человѣкъ не имѣетъ средствъ воспріятія. Такъ, рыбы ощущаютъ степень глубины воды; птицы и млекопитающія имѣютъ чувство оріентировки и предвидятъ атмосферическія перемѣны съ большею точностью, чѣмъ наша метеорологическая наука. Быть можетъ, подъ вліяніемъ истеріи человѣкъ вновь пріобрѣтаетъ эти чувства нашихъ отдаленныхъ предковъ и познаетъ вещи, невѣдомыя намъ въ нормальномъ состояніи.

Истерія свойственна не только человѣку, но и животнымъ. Изъ числа нашихъ многочисленныхъ шимпанзе нѣкоторые обнаруживали истерическіе припадки. Иногда при малѣйшемъ препятствіи ихъ желаніямъ они падали на землю, испускали неистовые крики и катались по землѣ, какъ пришедшія въ ярость дѣти. Одинъ изъ нашихъ молодыхъ шимпанзе въ припадкѣ сильнаго раздраженія рвалъ у себя на головѣ волосы.

Предположеніе, что истерія есть остатокъ душевнаго состоянія нашихъ животныхъ предковъ, находитъ себѣ подтвержденіе въ высказанной докторомъ *Бабинскимъ*¹⁾ теоріи истерическихъ явленій. Этотъ извѣстный невропатологъ пришелъ «къ заключенію, что истерическимъ симптомамъ присущи двѣ особенности, изъ которыхъ первая состоитъ въ возможности быть воспроизведенной подъ вліяніемъ внушенія и притомъ съ необыкновенной точностью, а вторая—въ исчезновеніи подъ исключительнымъ вліяніемъ убѣжденія» (стр.

¹⁾ Лекція, прочитанная въ Обществѣ Интерната, въ Парижѣ, 28 іюня 1906 г.

13). По мнѣнію *Бабинскаго*, истеричный больной не лишень сознанія; онъ тоже не можетъ быть признанъ вполне сознательнымъ, а находится въ состояніи полусознанія. Это-то послѣднее и соответствуетъ, по нашему предположенію, душевному состоянію нашихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ.

Нерѣдко случается, что подъ вліяніемъ какого-нибудь неожиданнаго возбужденія человѣкъ приходитъ въ состояніе сильнаго гнѣва и, не будучи въ силахъ удержаться, производитъ дѣйствія, въ совершеніи которыхъ онъ тотчасъ же начинаетъ раскаиваться. Обыкновенно говорятъ, что въ эти минуты въ человѣкѣ пробуждается звѣрь. Это мнѣніе—болѣе чѣмъ простая метафора. Вѣроятно, подъ вліяніемъ какой-нибудь необычайной причины здѣсь приходитъ въ дѣйствіе нервный механизмъ кого-нибудь изъ нашихъ животныхъ или животнООобразныхъ предковъ.

Такъ какъ наши человѣкообразные прародители и первобытные люди жили сообща, то неудивительно, что дикіе инстинкты у человѣка пробуждаются всего легче, когда онъ находится въ толпѣ. Въ этомъ отношеніи изученіе психологіи толпы представляетъ особенный интересъ. Находясь среди множества себѣ подобныхъ существъ, человѣкъ особенно легко поддается внушенію. Вотъ какимъ образомъ характеризуетъ это состояніе *Густавъ ле Бонъ* въ своей книгѣ «Психологія толпы»: «... Самыя тщательныя наблюденія, повидимому, доказываютъ, что человѣкъ, въ теченіе нѣкотораго времени погруженный въ нѣдра дѣйствующей толпы, приходитъ въ особенное состояніе, очень близкое къ тому, въ которомъ находится гипнотизируемый субъектъ подъ вліяніемъ внушателя. Дѣятельность большихъ полушарій мозга парализована, субъектъ становится рабомъ всѣхъ безсознательныхъ проявленій спинного мозга, который гипнотизеръ направляетъ по произволу. Сознательная личность совершенно исчезаетъ, а воля и разсужденіе перестаютъ дѣйствовать. Всѣ чувства и мысли ориентированы внушателемъ въ указанномъ имъ направленіи» (стр. 19). Человѣкъ подъ вліяніемъ толпы находится въ состояніи, подобномъ истеричному, и обнаруживаетъ душевныя свойства нашихъ предковъ. «... Однимъ тѣмъ, что человѣкъ является составною частью организованной толпы, онъ спускается на нѣсколько ступеней по лѣстницѣ культуры. Въ изолированномъ состояніи онъ, быть можетъ, былъ достаточно цивилизованъ; въ толпѣ же онъ сталъ варваромъ, способнымъ лишь слѣдовать дикимъ инстинктамъ» (*ле Бонъ*, стр. 20).

Въ виду всего сказаннаго совершенно естественно искать во всевозможныхъ истерическихъ проявленіяхъ остатки нашего доисторическаго прошлаго.

Сколько интересныхъ данныхъ можно было бы собрать о половой жизни и о любовныхъ проявленіяхъ человѣкообразныхъ, сближая эти явленія съ выраженіемъ страстности и столь характерными позами истеричныхъ! Я думаю, что, подобно тому, какъ палеонтологи дѣлають раскопки съ цѣлью отыскать ископаемые остатки промежуточныхъ существъ между человѣкообразными и людьми, точно такъ же психологи, медики и зоологи должны бы разыскивать рудименты психо-фізіологическихъ функцій для возстановленія исторіи развитія души человѣческой.

Мнѣ кажется, что эта задача представляетъ богатѣйшій родникъ для изслѣдованій, имѣющихъ общій біологическій интересъ.
